

Читайте в серии:

Оксана Даровская

«Москва. Квартирная симфония»

Ирина Лейк

«История Аптекаря, райских птиц
и бронзовой головы слона»

Алекс Тарн

«Четыре овцы у ручья»

Екатерина Златорунская

«Осенняя охота»

Яков Шехтер

«Водолаз Его Величества»

Гоар Маркосян-Каспер

«Пенелопа»

Анна Бабина

«Презумпция вины»

Татьяна Герден

«Стрекоза»

Татьяна Герден

СТРЕКОЗА

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Г37

Оформление обложки Анастасии Ивановой
Издание подготовлено при участии
Литературного агентства «Флоберיום»

Герден, Татьяна
Г37 Стрекоза : роман / Герден Татьяна. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2024. — 432 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-26386-4

Конец 1950-х. Обычный провинциальный город Песчанск, где живет обычный с виду парень — Сева Чернихин.

Обычный он действительно только с виду. Дело в том, что днем Сева работает на заводе, а по вечерам играет на старинном трофейном контрабасе по имени Амадеус и сочиняет музыку. А еще Сева — заядлый преферансист и художник. И музыка, и преферанс, и мимолетные романтические увлечения — это попытка уберечься от кошмаров, которые преследуют его после трагической гибели матери.

В том же городке живет Людвика, которой учитель рисования дал прозвище Стрекоза — за хрупкость и большие голубые глаза. Несмотря на женственность и хрупкость, у Людвики стальной характер, она отлично разбирается в оружии, которое коллекционирует ее отец, прекрасно стреляет в тире и мечтает стать врачом.

На первый взгляд ничего общего у этих двоих быть не может. Но судьба любит причудливые переплетения, особенно ей нравится соединять тех, у кого нет ничего общего.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-26386-4

© Герден Т., 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Издательство АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

У Севки Чернихина брюки на угловатых бедрах сидели так низко, что, когда он шел, рубашка, как бы глубоко под тяжелый широкий ремень он ее ни заправлял, все равно через некоторое время выпрастывалась наружу, и, устав на ходу запихивать ее под ремень, он так и ходил с полами навыпуск из-под темно-зеленого твидового пиджака, ладно облегающего его поджарое тело.

Впрочем, при всей небрежности такого вида, дополненного длинным малиновым шарфом, ни одна девица, в поле зрения которой он попадал, не могла пройти мимо, не зазевавшись и не свернув шею, или хотя бы просто пройти, не отметив про себя, что он, Севка, чертовски привлекателен. Хотя разглядеть к тому времени она успевала только три детали: низко посаженные брюки, то и дело выползающую рубашку и походку, немного ленивую и вместе с тем заковыристую, как будто ноги у него чуть длиннее, чем надо, и поэтому

ему приходится их слегка подтягивать при каждом шаге, чтоб самому об себя не споткнуться.

Под мышкой Севка часто держал старомодный портфель — потертый, но, похоже, из настоящей кожи, а не из дерматина. На ногах — коричневые замшевые туфли со шнурками такого же цвета, почему-то очень смахивающие на обыкновенные кеды, которые всегда можно было приобрести в «Спортоварах» по улице Свердлова за двенадцать рублей сорок девять копеек.

Ходил он так и весной, и летом, и даже осенью, лишь чуть поднимая воротник, если моросил дождь или, скажем, дул порывистый ветер. Картина менялась только к декабрю. Ближе к зимним холодам зеленый пиджак сменялся на более плотный, почти черный, чесучовый, похожий на пальто с длинными полами, которые все равно позволяли заметить неровные углы рубашек. Низко, почти на самые темно-серые глаза, Севка напяливал серую, в тон глазам, в темную крапинку кепку, открывавшую посторонним взглядам дерзкий, чуть скошенный затылок. А в остальном вид был такой же, как и летом: джентльменский и одновременно биндюжный. Неудивительно, что встречные дамы озадаченно поднимали брови, дивясь магнетической притягательности несуразного прохожего, а знакомые девицы тихо сходили с ума.

Днем Севка учился в музыкальном училище по классу контрабаса, а вечером три раза в неделю чистил паровые котлы на ремонтном заводе имени Розы Люксембург. По выходным развлекался тем, что играл с парой-тройкой приятелей в префе-

ранс, а когда это надоедало, сочинял музыкальные композиции. Замысел его всегда был сложен, а то, что получалось — изящно и просто. Их мог сыграть на струнах нескольких смычковых инструментов любой сопливый первокурсник.

Еще Севка умел, когда сильно хотел, приударить за дамами. У него мастерски получалось изобразить лихорадочный, блуждающий взгляд несчастного влюбленного, мечтательно косящий куда-то в сторону. Он беззвучно двигал уголками рта — и барышне казалось, что он не находит нужных слов, чтобы выразить переполняющие его чувства. Барышня делалась снисходительной и благоклонной, после чего, как правило, попадалась на Севкину наживку, как рыбка на крючок.

Но особенно удавался ему номер с портретом. Во время романтического ужина в кафе он, небрежно отодвинув тарелку, вдруг хватал салфетку и невесть откуда появившимся вечным пером быстро набрасывал профиль своей визави.

Этому он учился долгих два года, с седьмого по девятый класс ходил после уроков в кружок к талантливому, но, увы, спившемуся художнику Матвейчуку, который по совместительству работал еще и школьным сторожем. Всю жизнь Денис Матвейчук писал женские головки и пейзажи с райскими птицами, такими яркими и живыми, что казалось, головки вот-вот заговорят, а птицы расправят расписные перья, начнут истошно кричать, как павлины на восточном базаре, и упорхнут с холста.

— Когда пишешь портрет, Сева, — бывало поучал ученика уже изрядно подгулявший ко времени

занятий Матвейчук, — ты не женщину, которая перед тобой сидит и кокетничает, представляй, а ее идеальный образ, понимаешь?

Сева мотал головой, мол, *nicht verstehen*, Maestro, но учитель на него даже и не смотрел, а все более увлеченно, совсем неразборчиво бормотал:

— У них у каждой есть свой идеальный образ, Сева, тот, который прячется под напускным равнодушием, или застенчивостью, или, наоборот, распущенностью.

Тут он брал у Севки карандаш, покрепче закусывал в углу рта полуразложившуюся от долгого жевания папиросу и быстрыми резкими движениями начинал править его рисунок, то поднося его к самому носу, как будто хотел получше разглядеть некую таинственную незнакомку на еще незаконченном портрете, то, наоборот, сильно отдаляясь. И из отрывистых, хаотично громоздившихся скучных карандашных черточек вдруг складывался образ древнегреческой богини Афродиты, а вернее, ее повернутой вполоборота гипсовой головки, почти такой же, что стояла на сложенных высокой башней учебниках и ящиках из-под мелкой школьной мебели и отрешенно смотрела слепыми глазницами куда-то вдаль, сквозь мутное окно складского помещения, служившего одновременно и художественной мастерской.

Пепел с папиросы мастера падал прямо на Севкин рисунок и, ударяясь о его шероховатую пористую поверхность, тут же разлетался в незаметную пыль. От учителя терпко пахло красками и разба-

вителями, а еще алкоголем и невымытым телом, но Севка, затаив дыхание, смотрел на творящееся перед его глазами чудо искусства и не смел отвлекаться на наставника, несмотря на природную склонность видеть в окружающем не только прекрасное, но и ужасное.

Матвейчук тем временем продолжал взволнованный монолог, адресованный скорее высшим сферам, чем ученикам, коих, кроме Севы, было двое — рыхлый увалень Жора Студеникин, Севкин одноклассник, которого все, конечно, звали Студебекером, и тощая пятиклассница, имени которой никто, включая, возможно, и самого учителя, не знал, поскольку он называл ее не иначе как Стрекозой: «А ну, Стрекоза, покажи, что там у тебя получилось?» Так ее Севка и звал про себя — Стрекоза.

Пока творилось чудо превращения Севкиных каракулей в богиню красоты, Студеникин лениво почесывался, скрипел стулом и откровенно скучал, а девчонка, распахнув глаза-блюдца, внимательно следила за рукой мастера и густо краснела каждый раз, когда Севкин взгляд соскальзывал с рисунка в ее сторону.

— Так вот, — продолжал учитель сквозь папиросу в углу рта, — настоящий художник — это в первую очередь психолог, то есть человек тонкой духовной организации. В его видении модель приобретает идеальные черты, утраченные в силу жизненных обстоятельств, ну или потенциально в ней намеченные, которые она не имела возможности развить. Во-от, а теперь добавим штриховки

с большим наклоном, чтобы оттенить пространственное поле за муляжом.

Тут Студеникин зевнул так, что его собственный рисунок упал на пол. Он смутился, полез за ним и, поднимая, задел башню из книг, служившую подставкой для гордой гипсовой головы богини Афины.

Башня дрогнула, покачнулась, и если бы не Севкина сноровка, позволившая ему в последний момент выкинуть руку и остановить неминуемое падение, то от прекрасной головы остались бы только жалкие черепки.

Матвейчук только процедил: «Студеникин, не отвлекайся», — и густо добавил темной штриховки по краю головы на рисунке, плоско и косо прижав грифель почти параллельно бумажному листу и нажав на карандаш так сильно, что, казалось, он вот-вот треснет.

Кроме самого рисунка, от того урока Севка, конечно, запомнил, как пепел ударился о его лист и разлетелся в прах и как он спас школьный инвентарь или, как его называл иногда Матвейчук, реквизит.

Через год-другой Севка стал больше обращать внимание на слова художника и благодаря тому, что Матвейчук, как и многие творческие натуры, любил повторять свои советы по многу раз, хорошо запомнил не только виды штриховок и тушевок — ровную, поддерживающую форму, и неровную, эту форму опрокидывающую («Делай объем, где твой нажим, пересекай поле однородной штриховки», — это когда перешли на тушь и чернила), но и тактику общения с моделью.

С тех пор он пытался увидеть в каждой девушке, сидящей перед ним, ту, кем она могла бы быть и, наверное, была бы, если бы не ошибки в воспитании, недостаток образования, огрехи в одежде. Но именно это и было для Севки самым интересным.

Все бы хорошо, не будь одного существенного «но». Сам того не подозревая, учитель Матвейчук развил в юном художнике опасную тенденцию «однолинейного» общения с моделью. Севке интересно было только до того момента, пока надо было сотворить новый образ. Но лишь разгадка приходила, чудо искусства тут же почему-то улетучивалось, и как раз когда предмет интереса наконец был полностью художником покорен, ему становилось скучно и хотелось поскорее перейти к периоду «раковины» — так Севка называл момент отстраненности, наступающий после взрыва творческой энергии. Его раковиной были долгие одинокие прогулки по городу, музыка, сон, преферанс с однокурсниками и чистка котлов на ремонтном заводе.

Поэтому слава за Севкой закрепилась худая — сердцееда-любителя, мастера вскружить барышне голову фейерверком, который заканчивался, как правило, виртуозным написанием прекрасного портрета мимолетной избранницы. После пары-другой пылких встреч удачливый ухажер имел обыкновение внезапно ретироваться и тем самым разбить сердце покинутой красавицы. Поэтому на его удочку попадались только те, кто ничего о нем не знал.

II

Витольд Генрихович Штейнгауз, преподаватель математики и черчения военного училища южного города Песчанска, очень гордился своим происхождением, берущим корни из польского дворянского рода, или шляхты, как любила говорить его бабушка Ядвига, раскладывая гран-пасьянс за лакированным столиком и потягивая вишневый ликер из микроскопической хрустальной рюмочки. Ну да, из шляхты, из рода с явственными следами еврейской и немецкой крови, с незапамятных времен осевшего на юге российской провинции, куда Штейнгаузы бежали еще в XVI веке после разгрома польского войска Османской империей в битве под Цецорой.

То, что шляхта в основном представляла собой привилегированное воинское сословие при королях и князьях, особенно волновало Витольда Генриховича, потому что факт этот вторил его интуитивному ощущению принадлежности к сословию воинов и стратегов и несомненной избранности его рода. Поскольку воевать, чтобы продолжить доблестную линию благородных предков, в силу исторической ситуации он не мог, Витольд Генрихович почти полвека назад решил сражаться мелом и указкой на славном поприще образования.

Математику он выбрал как науку, наиболее точно выражающую суть стратегии и тактики ведения боя. Решение каждой математической задачи или доказательство теоремы возводилось чудаковатым преподавателем в ранг битвы за победу разума над темнотой и невежеством, и приводить дроби

к общему знаменателю или преобразовывать громоздкие уравнения в простые числа у Витольда Генриховича получалось так же живо, бодро и убедительно, как очинять карандаш до игольчатой остроты старой опасной бритвой, доставшейся ему от дедушки. У доски преподаватель держался торжественно и строго, словно лихой генерал на боевом скакуне. Мощно кроша мел в мелкую пыль, Витольд Генрихович объяснял тему с таким энтузиазмом, что ему завидовали все его ученики — воспитанники военного училища, тщетно пытавшиеся уследить за ходом его мысли.

Даже собственное имя приятно волновало Витольда Генриховича и будоражило его воображение не только оригинальностью, но и символической связью с немецкими корнями, ибо на древнегерманском означало не что иное, как лесной властитель. Если насчет лесного нужно было еще подумать, то властитель как нельзя кстати подходил под историю легендарного происхождения его рода и тревожил затаившееся в нем тщеславие. Витольд Генрихович часто любил произносить свое имя тихо, себе под нос, по нескольку раз, когда бывал один и его никто не слышал, чаще всего стоя у умывальника и причесывая редким гребешком остатки некогда буйной русой шевелюры. Он с удовольствием закусывал нижнюю губу в щекотливом и властно-твердеющем «в», упруго упирающемся в самую ее серединку, а потом, после дерзкого сквозного прыжка в «и» и набора воздуха перед вторым, решительным слогом, его голос гордо взбирался на крутой «тольд», возносивший

его к вершине воображаемого утеса, как если бы он был всадником, несущим победное знамя своего полка, чтобы водрузить его там, на самом верху, могучим припечатывающим жестом — «то-ль-д»! Ви-толь-льд! Превосходно!

Поздно женившись и рано овдовев, Витольд Генрихович решил больше не связывать себя узами брака, а нанять домашнюю работницу Глафиру Поликарповну Плют, бывшую буфетчицу того же военного училища, где он работал. Та два раза в неделю приходила готовить и убирать в его просторной квартире в старом «господском» доме, чудом уцелевшем с былых времен, но безжалостно расчлененном советской властью на мелкие соты отдельных квартир. Зимой дом сурово хмурился чернеющим чопорным парадным подъездом, и две белые колонны, расставленные по обшарпанным бокам, торчали, как часовые на посту. А поздней весной он преображался, блаженно утопал в буйно цветущих липах и акациях и душил жителей дома в пьянящих объятиях лета.

От жены, которая когда-то давала частные уроки музыки, Витольду Штейнгаузу остались старый громоздкий Blüthner, на котором после ее смерти больше никто не играл, вследствие чего он пылился и служил подставкой для полки с книгами, и дочь Людвика, поздний ребенок, которого никто уже не ждал, и потому ее появление Витольд Генрихович и его супруга Берта Филипповна восприняли как неподвластное разуму чудо.

Берта Филипповна в свои тридцать девять лет носила дочку очень тяжело, как делала и все

остальное, связанное с практической жизнью: тяжело дышала, тяжело болела и тяжело переносила сложности быта и ведения домашнего хозяйства. До и особенно после рождения Людвиги к Берте приходилось часто вызывать доктора, а то и карету скорой помощи, мерить давление, считать пульс, прикладывать то горячие, то холодные примочки к вискам и затылку, поить каплями и настойками и посылать студентов в аптеку за лекарствами, неизменно громоздившимися на старине Blüthner'е.

От лекарств исходил сильный бороментоловый запах, и с тех пор музыка у Витольда Генриховича всегда ассоциировалась с аптеками и лекарствами — когда он глотал таблетки, ему слышались мотивы из Бертиных музыкальных пьес, а когда он слушал по радио концертные программы, ему хотелось поскорее выпить аспирина, что раздражало и одновременно очень забавляло его.

Берта Филипповна часто хандрела, особенно на последних месяцах беременности, и, чтобы унять тоску по высшим мирам, из коих случайной гостьей забрела на грешную землю, а именно в захолустный Песчанск, она меланхолически усаживалась за инструмент и, перелистывая тонкими нервными пальцами нотные сборники, долго выбирала, что бы сыграть. Наконец, отпив кипяченой воды из стакана тонкого стекла, накрытого ажурной салфеткой, она закрывала глаза и осторожно, по очереди, трогала клавиши, извлекая из тучного тела Blüthner'a то тихие, то громкие отрывистые звуки мазурки L 67 Клода Дебюсси, и чутко прислуши-

валась к ним, словно проверяла, та ли это мазурка или какая-то другая, по ошибке выпавшая из-под ее печальных и усталых пальцев.

Иногда в комнату входил Витольд Генрихович и смущенно, на цыпочках, прокрадывался мимо жены, боясь прервать ее исполнение, неслышно садился в кресло у окна и, прикрывая глаза ладонью, высохшей от вечного мела, сосредоточенно вслушивался в музыкальные пассажи, перекатывающиеся один в другой, как горные ручьи, а в конце почти всегда испуганно вздрагивал от последних бравурных аккордов, несмотря на то что слышал мазурку L 67 уже много раз и прекрасно знал, чем она закончится.

— Чаю? — тихо спрашивал он через некоторое время, боясь нарушить продолжительную цезуру, строго выдерживавшуюся после каждого исполнения, и Берта слабо кивала в ответ, потом закрывала ноты и, охая, пересаживалась на диванчик.

Витольд заботливо накрывал ей плечи бежевой вязаной шалью с длинными кистями, а ноги — теплым шерстяным пледом и шел на кухню готовить чай, приободренный оказанным ему доверием. Так прошли почти все девять месяцев ожидания нового члена семьи.

А потом родилась Людвика, маленькая, со снежно-голубой кожей, с рыжеватым пухом на темечке, коротенькая и хилая, как котенок. Она много плакала и ничего не ела. Первые два дня Берта лежала в отдельной палате, практически не двигаясь и не открывая глаз по нескольку часов, как будто ее убили. Так как о естественном вскармливании не

могло быть и речи, девочку начали кормить из рожка. Сначала она не понимала, зачем в нее запихивают противно пахнущую резинку, но, раскусив, в чем дело, жадно съедала подслащенную молочную смесь, быстро насыщалась, а наглотавшись лишнего воздуха, липким молочным фонтаном выплескивала почти все содержимое котячьего желудка назад, оттого почти не прибавляла в весе. Нянечки постоянно мыли пол и меняли замаранные пеленки, а Берта сокрушалась о превратностях искусственного вскармливания.

— Ну ясное дело, их перекармливают! — всплескивала она руками. — Но ребенок — это же не мешок, который надо обязательно заполнить! Ребенку необходимо сбалансированное питание. И когда нас только выпишут? — спрашивала она в тон собеседницам, которые также жаждали скорее оказаться дома и там заняться чадами всерьез, хотя в душе очень боялась остаться с дочкой без помощи медперсонала.

Когда Берта и дочка появились в доме, Витольд Генрихович скрепя сердце, но предвидя тяготы нового бытия, договорился с Клашей, домработницей из дома напротив, у доктора Фантомова, и она приходила к ним по утрам три раза в неделю. Убирала, стирала пеленки, приносила продукты, а заодно помогала кормить Людвику и Берту Филипповну, которая часто болела и жаловалась на полное отсутствие аппетита. Сам доктор Фантомов смог избежать каждодневных просьб посетить дом Штейнгауза только благодаря тому, что в основном лечил мужские болезни, и потому в душе радо-

вался, что Берта — пациент не его практики. Но, будучи человеком добродушным, он иногда заходил ее навещать, особенно после встреч с Витольдом Генриховичем на улице. Завидев друг друга издалека, оба старомодно приподымали шляпы и обменивались кивками.

— Что, голубчик, супруга все хворает? — участливо проговаривал дежурную фразу доктор, поравнявшись с соседом, и, не дожидаясь ответа, сам отвечал: — Нда-с, положение у вас, голубчик, незавидное. Ипохондрия, знаете ли, такая штука, с которой не врач должен бороться, а сам пациент. — Тут он замолкал, и оба вздыхали.

— Так вы уж зайдите, доктор, уважьте соседа, — каждый раз взмаливался Витольд Генрихович. — После бесед с вами ей намного лучше!

И доктор, поблескивая позолоченным пенсне, неизменно обещал зайти.

Несмотря на большую занятость, он держал свое слово и приходил, обычно по выходным. Витольд Генрихович тогда собственноручно готовил чай, Людвигу уносили в дальнюю комнату, где за ней присматривала Клаша, которая еще успевала сбегать на кухню и соорудить бутерброды с селедочным маслом и брауншвейгской колбасой, купленной и хранимой на случай прихода дорогого гостя. В столовой накрывали на стол, и на изможденном от недосыпания и природной бледности лице Берты начинал слабо, но отчетливо проступать долгожданный румянец.

После ритуального измерения пульса и давления, во время которого он был предельно серье-

зен, доктор Фантомов слегка растягивал пухлые губы в дружелюбной улыбке и говорил магическое: «Не стоит беспокоиться, все в пределах нормы». И тогда все садились за стол, как будто уверенные в том, что уж теперь ничего страшного не может случиться, и пили красно-кирпичный пахучий индийский чай, тоже хранившийся исключительно для подобных случаев. Берта наливала себе чай в белую чашку с волнистыми краями, такого тонкого фарфора, что она казалась прозрачной на свету, а мужчины пили из стаканов в тяжелых мельхиоровых подстаканниках, черненных под серебро. К чаю подавали на блюде нарезанный кружками лимон под густым слоем сахара, бутерброды и абрикосовое варенье.

После мужчины оживленно беседовали об образовании, медицине и международных новостях, а Берта Филипповна, сев за фортепьяно, наигрывала разные мелодии, пробуя, что больше подойдет к теме разговора. С ее плеч сползала шаль, карие глаза наконец блестели, и, когда собеседники устраивались в креслах у окна, из-под ее пальцев градом сыпались этюды Шуберта, Равеля и Черни.

Иногда после музыки доктор и Витольд выходили во двор. Доктор — чтобы покурить трубку, а Витольд — чтобы составить ему компанию. Клаша убирала со стола, а Берта, включив торшер с большим оранжевым абажуром и декадентской бахромой, раскладывала пасьянс, благодаря Бога за то, что малышка Людвика еще спит и не портит сказочный вечер надрывным непрекращающимся криком.

Вскоре мужчины возвращались, и после одной-двух партий в шахматы или в пикет доктор церемонно откланивался. Витольд с Бертой взволнованно обсуждали детали удавшегося вечера, а Клаша, перед тем как помыть посуду, стояла в кухне и, глядя в окно, жадно подъедала нежно-розовые кругляши брауншвейгской с прибранных со стола тарелок и блаженно отхлебывала из своей чашки с надломленным ушком остывший чай, предварительно положив туда две ложечки сахару и еще одну — абрикосового варенья.

В это время обычно с диким ревом просыпалась Людвика, и Клаша, поспешно запихивая последнее колечко колбасы в рот, нервно грела на водяной бане молочную смесь в градуированной бутылочке, гремела недомытыми тарелками и безудержно, до желудочных колик, икала от слишком быстрого поглощения пищи. Вечер подходил к концу, а супруги еще долго обсуждали доброту, образованность и удивительный интеллект гостя.

III

Чистить паровые котлы Севка, конечно, вызвался не по собственной воле. Случилось так, что последний ухажер его моложавой тетки Серафимы, рабочий ремонтного завода имени Розы Люксембург, оказался начальником смены по чистке котлов. Когда Серафима, стройная брюнетка с густо подведенными глазами и неизменной ниткой кругленьких бордовых бус на смуглой лебединой шее, допустила его в свой дом, где после смерти сестры жила

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Татьяна Герден

СТРЕКОЗА

Ответственный редактор Ю. Раутборт
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры А. Брусник, С. Луконина
Компьютерная верстка В. Демина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.09.2024.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.
Тираж 3000 экз. Т-РР1-35370-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

